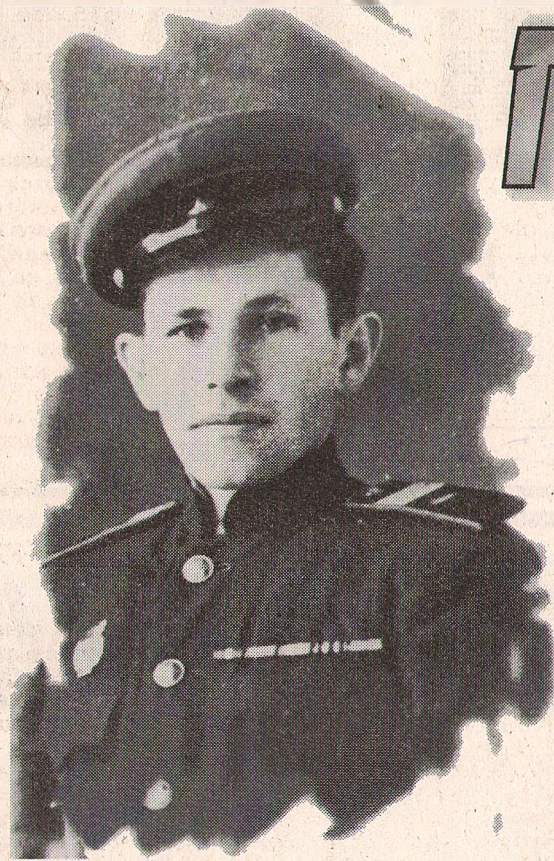

Николай Мартынович Густырь с Ярославского завода силикатного кирпича прошел всю войну, от Белостока до Одера. Как выжил сам? Как мы победили? Отвечая на эти вопросы, он вспоминает не азарт наступления, не фронтовые удачи, хотя были и они, а почему-то самые, казалось бы, беспросветные дни войны в мае 1942 года под Харьковом.

В феврале 1942-го Николай Густырь, раненный в первые дни войны, подлеченный в госпитале и снова вернувшийся в строй, оказался в учебном танковом батальоне, расквартированном в непосредственной близости от Сталинградского тракторного завода. Полдня они учились, полдня работали на заводе

на сборке танков Т-34. Одновременно шло формирование экипажей, взводов, рот, батальонов. В апреле их 48-я танковая бригада прибыла, как он до сих пор говорит по-военному, «на выжидательные позиции в районе Изюм-Барвенского направления».

Экипаж их «тридцатьчетверки» Густырь помнит поименно: командир роты старший

лейтенант Петр Гончаров, механик-водитель Николай Наумов, заряжающий Геннадий Панченко и он, радист-пулеметчик.

Поступил приказ готовиться к наступлению. В ночь с 11 на 12 мая с десантом пехотинцев на броне их «тридцатьчетверка» вместе с другими вы-

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ?

двинулась на исходный рубеж. Ранним утром из всех стволов ударила артиллерия, и вслед за ней двинулись танки.

Сначала все складывалось на редкость хорошо. Шли вперед, на запад, на большой скорости, почти не встречая сопротивления. На шестой или седьмой день командир сказал, что впереди уже пригород оккупированного немцами Харькова, но ситуация внезапно стала меняться.

Атакуя вместе с другими немецкую оборону перед какой-то деревней, натолкнулись на упорное сопротивление. Завязался бой.

И тут механик-водитель объявляет, что двигатель перегрелся до предела, придется глушить. «Глуши, — соглашается командир. — Будем вести стрельбу из пулеметов, изредка из орудия — создавать впечатление, что у нас все в порядке, а стоим потому, что так надо».

Время идет. На душе беспокойно. Сколько можно «создавать впечатление»? Так ведь и поджечь могут: И тут водитель говорит: «До окраины деревни не больше ста метров. Мы сюда поднимались в гору, значит, там уклон. Я запущу двигатель, проскочу улицу, а под уклон танк сам пойдет. Рискнем?»

Рискнули. Проскочили. Метрах в семистах от деревни двигатель заглохли, развернув танк лобовой частью к оставшейся позади знакомой улице.

Командир и заряжающий присели вниз к Густырю и механику-водителю. Взгляды всех четверых встретились. В

них был один вопрос: что делать?

Ясно, что система охлаждения двигателя нарушена, похоже, есть и другие повреждения. Горючего, как показывает прибор, четверть бака, патронов для пулеметов мало, снарядов двенадцать штук.

Связь с комбатом и штабом работала нормально. Командир доложил, что их подбили, боеприпасы на исходе. В ответ сказали: держитесь, постараемся помочь. Но тут же добавили: боеприпасов и горючего нет, тылы отрезаны немецкими частями. «Мы окружены. Действуйте самостоятельно, отходите на юго-восток».

Так впервые прозвучало самое страшное на войне слово — окружение.

Запертые в своем подбитом танке Густырь и его товарищи поняли, что остается надеяться только на себя. «Какое примем решение?» — спросил командир. Самыми дельными оказались слова водителя Коли Наумова: «Если гусеницы не разорваны, колеса целы, надо разворачиваться и удирать до первого ручья. Двигатель охладится. Попробуем осмотреть танк снаружи. А вдруг получится?»

Командир посмотрел на Густыря: «Под тобой десантный люк, ты самый тощий, тебе и вылезать».

Легко сказать. Вспомнив, как это было, Густырь смеется, но тогда было не до смеха. Взрывами бомб все засыпало. Он толкал землю ногами, разгребал руками, как крот. Когда сверкнуло солнце и пахнуло свежим воздухом, первой мыслью было: «Какая война? Жить хочу!»

Полузасыпанный танк стоял лицом к деревне. Густырь осторожно обследовал машину: гусеницы целы, колеса тоже. Воронки от бомб неглубокие. Может быть, и правда вырвемся?

И вот весь экипаж снова на своих местах. Старший лейтенант Гончаров через ствол наводит орудие на окопы противника. Выстрел! Водитель рванул рычаги. Танк задрожал, напрягся и двинулся вперед.

«Ладно, — сказал командир экипажа, — главное — прорваться из окружения. Будем двигаться как есть. А систему охлаждения можно по пути доливать. Благо подносчики теперь у нас есть», — добавил он, кивнув на прильнувших к броне красноармейцев.

Так экипаж Т-34 с Густырем и его товарищами оказался в колонне машин, орудий, танков и людей, медленно текущей в одну сторону — туда, где, как говорили, находилось самое слабое место охватившего их кольца.

Время от времени над колонной показывались немецкие самолеты: засыпали листовками с призывами сдать в плен, с ревом пикировали, обстреливали, но почему-то не бомбили.

И вот впереди река. Танк замер на высоком берегу, за-

росшем кустарником. На той стороне немцы. Началась оружейная перестрелка. Заряжающий Панченко берется за последние снаряды. Выстрел, другой... Танк отъезжает, занимая более удобную позицию, и... замирает. «Все, — говорит водитель, — приехали, баки пустые. Мы на приколе».

Рация уже давно не отвечает. Густырь рассматривает через телескопический прицел округу и видит: немецкие солдаты выстраивают наших перебежчиков. Перехватили дыхание: «Ребята, смотрите!» Кто-то предлагает: «Предатели! Давайте по ним врежем. Еще два снаряда есть».

«Нет, это люди, — отрезал командир. — Приказываю: последними снарядами по той же цели, по какой только что стреляли. А дальше я принимаю такое решение — вывести из строя рацию, прицел, затвор орудия и покинуть танк. Я выхожу последним. Выполняйте!»

Все подчинились. Старший лейтенант вылез из башни, закрыл ее, обошел танк, открыл люк водителя и бросил внутрь гранату. Так они простились со своей «тридцатьчетверкой».

Экипаж договорился держаться вместе. Остатки продуктов разделили, каждому досталось по десять сухарей и по пачке пшеничного или горохового концентрата.

Шли туда, куда шли и другие. Когда налетали самолеты, люди разбегались в поисках укрытия. Потом двигались дальше. Во время очередного налета, уже под вечер, Густырь потерял товарищей.

Проходя мимо убитого красноармейца, подобрал ав-

томат ППШ. Уже в полутьме в одном из оврагов собралось более сотни военных. Густырь обошел его весь в поисках своих, но не нашел никого.

Послышался громкий голос: «Я лейтенант такой-то (назвал фамилию и должность). Прошу отозваться, кто здесь из командиров старше меня по званию? Тишина. «Раз так, прошу слушать мои указания. Сегодня ночью будем прорываться».

Густырь помнит темное поле, изредка освещаемое взлетающими ракетами. Шли тихо. Когда взлетала ракета, бросались на землю и ждали, пока не погаснет. И тут кто-то не выдержал, выстрелил. Началась перестрелка, крики «Вперед!», «Помогите!», «Ура!» — все вперемежку. Вся ночь Густырь бежал туда, откуда не стреляли, и стрелял туда, откуда летели трассирующие пули...

Очнулся под кустом на пригорке. Светало. Недалеко стояли четверо военных. Он подполз — говорил по-русски. Так он оказался у своих. Как выяснилось потом, их 48-я бригада не вывела из окружения ни одного танка, а из личного состава вышло только около 10 процентов. Недели две после того Густырь во сне вырывался из страшного кольца.

В первые же часы у своих он встретил нескольких ребят из собственного батальона. Нет, не из своего экипажа, но они бросились друг к другу, как родные: старший лейтенант Стрельцов, механик-водитель Падан, башенный стрелок Власов. С ними в одном экипаже он воевал потом дальше. Впереди было еще больше половины войны, а Густырю в те дни 1942 года всего-то исполнилось 20 лет.

Татьяна ЕГОРОВА.